

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ДИСПОЗИЦИИ РЕЧИ

Одна из самых древних свободных наук, имеющая двухтысячелетнюю историю, – риторика, была, как известно, заменена в конце 19 века литературной критикой, казалось бы, ушедшая в забвение из жизни политики в связи с отсутствием свободы выступлений и плюрализма политического дискурса. Риторика, сведенная к дикции и жестуляции, оказывается важной и нужной сегодня в практике построения публичных выступлений. При этом актуальны как классическое наследие, как собственно русский этап риторики (представленный славными именами Мерзлякова, Кошанского, Зеленецкого, Рижского, Сперанского, Толмачева, Граудиной, Рождественского), так и современный этап развития риторики. Если отталкиваться от риторического канона *inventio- dispositio- elocutio- actio - memoria*, то, при наличии множества работ, посвященных тропам и фигурам, т.е. элокуции, при возрождении интереса к топике (недавняя докторская работа В.А. Садиковой, работы Сочинской школы), наименьшее количество современных работ посвящено довольно жестко регламентируемой диспозиции. Приятное исключение составляет работа Ю.В. Шуйской [1].

Эту работу характеризует знание и глубокое усвоение традиции риторики. Наряду с этим, поставлена серьезная и новая задача – на основе корпуса эффективных современных речей рассмотреть структуру (диспозицию) такой речи. Вот как во введении к работе видит свою задачу сама автор: «Отсутствие повсеместно используемых схем диспозиции выступления наряду с наличием корпуса текстов речей, авторы которых добились поставленной цели или заслужили одобрение целевой аудитории, обусловило выбор темы настоящего исследования: индуктивный анализ выступлений ораторов в разных жанрах с целью вычлнить типовые структуры выступления, которые могут быть применены в практике преподавания риторики, спичрайтинга и формирования образа оратора» [1, с. 5]. Утверждение о том, что современная диспозиция отличается от античной и его доказательство в труде – один из значимых результатов проведенного исследования. Отталкиваясь от изменения, или, как говорит автор, от «деградации» диспозиции в двадцатом веке, автор и построила свою концепцию. «Подмена инвенции диспозицией, а впоследствии – полное вырождение диспозиции до уровня «вступление – основная часть – заключение» привели к возникновению ситуации, когда к началу XXI века скопился корпус эффективных выступлений, построенных не по типовым структурам, предлагавшимся в руководствах по риторике, а в соответствии с соображениями оратора» [1, с. 227]. При этом и краткая продающая

презентация по типу *elevator speech*, и современные речи в рекламе и пиаре, построенные по модели AIDA, и уже мотивирующие речи П. Сопера и Д. Карнеги не построены по классическим моделям. Классические модели стали достоянием риторики. Но без априорного знания классических схем речи по ним не создать.

Интересна рабочая гипотеза Ю.В. Шуйской. Рабочая гипотеза автора связана с современными вариантами диспозиции: «Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что логика коммуникативного воздействия с установкой на производимый регулятивный эффект не может игнорировать предметно-тематический аспект создаваемого/произносимого текста ораторского выступления. Формальное построение (диспозиция) выступления-воздействия эксплуатирует смысловой и дискурсивный потенциал предметного компонента. Типология видов риторической макрокогезии, характеризующая динамику коммуникативного развертывания ораторского текста, должна строиться на взаимосвязи смыслового прагматического и предметно-тематического аспектов содержания. Принцип риторической макрокогезии может стать основой выведения гибких форм построения ораторских выступлений различной коммуникативной направленности» [2, с. 10]. Автором показано, что большинство выступлений в современной речевой практике основано либо на одной из трех перечисленных предложенных автором схем (цепочечная, радиальная и двуцентровая схемы макрокогезии), либо подразумевает их объединение и модификацию (например, в рамках «цепочечной» последовательности каждое отдельное звено развито по определенной схеме). Доказательство этой гипотезы – один из существенных научных результатов предьявленного исследования.

Обращает на себя внимание большое количество как теоретических источников, так и источников речей и значительное количество авторов эффективных выступлений, что делает работу Ю.В. Шуйской доказательной. Так, например, в первой главе исследования [1] можно прочесть продуманное представление топики и диспозиции – наиболее дискуссионных мест и в античной риторике, и в современной риторике.

В современной риторике внимание привлекают идеи о деградации инвенции, деградации диспозиции, роли топики, свободной импровизации, тезисы об интуитивных моделях риторики – это очень интересные идеи современной риторики. В целом типы подходов к подготовке речи можно обобщить как подготовку «от оратора» – использование мыслей самого ратора в качестве основы речи; «от темы» – предварительную проработку темы с поиском различных идей; «от аудитории» – подготовку выступления в соответствии с закономерностями восприятия дискурса аудиторией. Первый тип предполагает, что оратор экстраполирует свои предпочтения на всех представителей целевой аудитории, тем самым постулируя, что различные категории людей убеждают одни и те же приемы. Второй тип подразумевает, что для каждой типовой темы существуют типовые параметры речи, что может быть обобщено в различных типах речей. Третий

тип предполагает, что в своих разработках оратор отталкивается от особенностей и закономерностей восприятия конкретной аудитории. Вариативность разработки темы – важный вывод современной риторики.

Баланс практики и теории в создании речи может быть продемонстрирован в риторике в результате герменевтического эксперимента. Может быть проведен эксперимент по оценке влияния сведений о структуре дискурса на эффективность производимого высказывания: испытуемым должно быть предложено первоначально составить тексты по заданным темам, не владея сведениями о риторической структуре дискурса, а затем – еще раз вернуться к созданию текстов, уже ознакомившись со сведениями о структуре дискурса. При этом эффективность полученных текстов оценивается в коллективной дискуссии. Эксперименты, проведенные Ю.В. Шуйской и – вслед за ней и нами – показывают, что восприятие речи зависит от возраста и образования, тип макрокогезии также связан с образованием (юристы предпочитают радиальную модель), тип используемой диспозиции определяется ситуацией произнесения речи и общей манеры оратора, зависит от устности / письменности и т.д.

Интересен тезис об использовании топики в инвентивной, диспозитивной и элокутивной функции. Ю.В. Шуйской показано, что топы как категории инвенции имели ряд функций: помимо нахождения идей как таковых, они становились основой аргумента и основой амплификации речи: «Иными словами, оратор мог использовать топ трояко: например, пользуясь топом места, он мог найти идеи для выигрышного вступления – рассказать слушателям о том, в каком прекрасном (прославленном, знаменитом благодаря тем или иным событиям) месте они находятся, построить аргумент к месту, используя топ в качестве среднего термина силлогизма с заранее известным выводом. Если необходимо было убедить аудиторию в том, что необходимо делать что-либо, оратор мог привести слушателей к этой мысли через аргумент. Мы находимся в месте, в котором принято поступать так. К примеру, с помощью аргумента к месту можно призвать студентов соблюдать правила поведения в университете. Наконец, идея места могла использоваться для амплификации отдельно взятой фразы: если оратор ставил себе задачу увеличить объем речи, в каком-то из предложений он мог добиться этого, используя придаточное предложение места». Это позволяет сделать нетривиальный вывод: «Топы, таким образом, использовались в инвентивной, диспозитивной и элокутивной (ампликативной) функции. В античности все три функции представляли собой синкретизм, и диспозиция была неотделима от инвенции, а топики от аргументации». В дальнейшем, при разрушении этого синкретизма функции инвенции «отпала» как представлявшаяся ненужной, однако от этапа диспозиции теоретики риторики не решались отказываться.

Обсуждаемая концепция современной диспозиции и ее варианты – цепочечный и радикальный характер – показательны в судебных и совещательных речах. Это заставляет нас посмотреть – через

концепцию Ю.В. Шуйской – на судебную риторику. Интересен может быть и анализ совещательных речей политических деятелей – с их образами прошлого и будущего. Показательно, что материалом и предметом изучения в работе Ю.В. Шуйской явились и эпидейктические образцы красноречия, редко являющиеся предметом исследования в связи с невозможностью оценить прагматический эффект таких выступлений. А нами разобраны несколько Нобелевских речей, построенных как поток сознания. За неструктурированными речами стоит постмодернистский эссеистический художественный опыт, которого не было в диалогике античности. Значит, неструктурированное – это не всегда плохо?!

Единственное замечание к работе [1] связано с дискуссионным положением о критериях эффективности речи. Предлагаемый практический и прагматический критерий – согласился на предложение, купил, скачал, застраховался, оправдали, осудили и т.д. – должен быть дополнен критерием культурной значимости речи. Речь Достоевского на открытии памятника Пушкину вошла в культурный фонд нации, цитируется, речи Линкольна заучиваются школьниками, а вот многим современным речам уже сегодня не предсказывается нахождение в риторическом фонде нации.

Оценим следующую речевую ситуацию. Подготовленная загодя, не высказанная «спонтанно», *impromptu*, а написанная коллективом спичрайтеров речь зачитывается автором. Можем ли мы воспринимать эту речь как свою? Например, кто автор знаменитой речи Ельцина «Я ухожу..»? Многочисленные «рыбы», многочисленные интернет-заимствования, перепечатки из Интернета, культура выдачи за свое чужого, несоблюдение копирайта со студенческой скамьи – не свидетельствует ли все это о деградации ораторской практики в современном обществе? Не подчиняются античному канону ни топики, ни диспозиция, ни инвенция, ни элоквенция, ни этика.

В развитие обсуждаемой в нашей статье теории было бы интересно подумать, насколько на современную речь влияют образ ратора и образ аудитории. Скажем, выступления Горбачева и Сахарова на съезде народных депутатов. Горбачев говорил на своем языке, для своих. Сахаров не учитывал аудиторию. Образ Сахарова остался в памяти, несмотря на риторическую неискусность.

Строя свои выступления, я поймал себя на мысли о том, что стал рефлексировать, как отражается работа Ю.В. Шуйской в моих текстах. Скажем, каковы обычно части речи научной, отчасти судительной, отчасти эпидейктической, интитуциональной?! Исследование Ю.В. Шуйской и традиция диспозиции, продемонстрированная ею в диссертационном исследовании, от нас требуют соблюдения плана речи. Мы сами опираемся на стихийное понимание того, как должно структурировать речь – введение, основная часть (аргументация за и против), заключение. Порою нами применяется развитие темы по топам, мы привносим в выступление то, что, как нам думается, предполагает тема, но чему не нашлось отражение в труде. Диспозиция может строиться как хрия. Я стал задавать себе вопросы, носит

ли моя речь цепочечный характер или концентрический характер или двухцентральной – это свидетельствует о том, что эти научные идеи живые, они вызваны самой современной формирующейся на наших глазах риторической практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шуйская, Ю. В. Композиция и структура речи : монография / Ю. В. Шуйская. – Москва : РУДН, 2015. – 320 с.
2. Шуйская, Ю. В. Структура эффективного выступления в европейской речевой практике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ю. В. Шуйская ; Военный университет. – М., 2017. – 52 с.